Глава 6

Дом катехуменов

И для набожных христиан, и для евреев Италии Дом катехуменов оставался местом огромной важности. Он пребывал как бы в зазоре между двумя мирами, и в этом-то промежуточном положении заключался весь его ужас. Иудей попадал в Дом катехуменов и выходил оттуда уже католиком. Тем самым он покидал один мир и вступал в другой. Новообращенный как бы перерождался заново, получал новую личность и новое имя. Благочестивые христиане верили в то, что все, что совершается в Доме катехуменов, — дело рук Господа, который ниспосылает осужденному на гибель народу свой высший духовный дар, удастая его небесного благословения. Евреям же, напротив, одна мысль о Доме катехуменов внушала непреодолимый страх.

Первые подобные заведения возникли еще в III веке н. э., но история того дома, куда доставили Эдгардо, была не такой древней. Это был самый первый из Домов катехуменов нового типа, которые учредил в 1540 году Игнатий Лойола, основатель иезуитского ордена, для обращения в христианство иудеев и мусульман. Вскоре такие же заведения, созданные по его образцу, появились и в других местах: в 1568 году — в Болонье, в 1584-м — в Ферраре, около 1630-го — в Модене и Реджо-

Эмилии. Везде, где только жили евреи, появлялись Дома катехуменов¹.

Церковные иерархи с большим интересом следили за всеми случаями обращения. Крещение неверного, а особенно иудея, приумножало славу Господню и помогало исполнить одно из условий, которые приближали второе пришествие Мессии. Крещение евреев после того, как они отбывали определенный срок в Доме катехуменов (для взрослых он обычно составлял 40 дней, а для детей зачастую длился значительно дольше), становилось поводом для большого торжества. В таких случаях в Риме обряд крещения часто совершали кардиналы, и происходило это в главных церквах города, при стечении многочисленных ликующих толп. В городах, где не было кардиналов, обряд отправляли епископы, зачастую в главном городском соборе².

Согласно церковному учению, человек, помогавший спасти душу неверующего, удостоивался Божьего благословения. Считалось, что он совершает деяние, которое ему зачтется у райских врат. Поэтому знатные семейства даже состязались за почетное право стать крестными родителями для очередного обратившегося еврея: ведь число неопитов выглядело ничтожным по сравнению с плотными рядами знати. В списках восприемников, хранящихся в архивах различных Домов катехуменов, фигурируют имена самых видных аристократических семей Италии. Семьи крестных родителей несли определенную ответственность за благополучие крестников, и это служило евреям материальным стимулом для принятия христианства. В придачу неопиты получали фамилию своих крестных аристократов. Поэтому далеко не всегда итальянцы, которые ныне носят благородные и знаменитые фамилии, происходят из старинных знатных родов: кое-кто из них, несомненно, потомки тех бедных евреев, что решили перевернуть свою жизнь и переступили порог Дома катехуменов.

Например, из тех 262 евреев, которые были крещены после подготовки в Доме катехуменов в Модене между 1629 и 1701 го-

дами, 115 шли к священной купели в сопровождении князей и княгинь из рода самих д'Эсте. Обряд обычно проходил в главном городском соборе и отправлялся архиепископом, причем сопровождался пышным шествием от самого Дома катехуменов. Еврей, облаченный во все белое, шел к собору посреди шумной толпы собратьев-хоругвеносцев, распевавших вдохновенные гимны. После возвращения в Дом катехуменов верующие слаженно пели *Benedictus Dominus Deus Israel* [лат. "Благословен Господь Бог Израиля"]³.

Вдохновляющие истории о том, как очередной еврей узрел свет и вступил в Дом катехуменов, несмотря на отчаянные попытки родственников помешать ему, регулярно печатали в виде отдельных брошюр вместе с истовыми описаниями тех пышных церемоний крещения, которые за этим последовали. Церковь с превеликой гордостью продолжала возвещать о крещении евреев вплоть до того времени, когда произошло похищение Эдгардо⁴. Колонка новостей одного из самых влиятельных католических журналов той поры *Civiltà Cattolica* просто захлебывалась от восторга, сообщая о самых недавних случаях крещения, где бы они ни происходили. Имена менялись, но сама история оставалась, по сути, неизменной.

Например, в субботу накануне Пасхи 1853 года некую молодую еврейку из Галиции крестил кардинал в Латеранской базилике в Риме, а рядом стояла ее крестная, княгиня Торлония. Еще в детстве будущей новообращенной явилось видение, и в нем она узрела два храма. Один храм, украшенный красивыми цветами, был великолепным, а второй лежал в руинах. Истолковать это видение очень просто, пояснял иезуитский журнал: первый храм — это Ватикан, а второй — синагога. Женщина слышала голос, который призывал ее войти в нарядный храм и помолиться там. Ее мать, узнав о таком видении, изо всех сил убеждала девушку выбросить все это из головы. Но с годами, хотя ее выдали замуж и у нее уже появились дети, она никак не могла забыть то видение. Таясь ото всех, она принялась изучать все, что только могла узнать о христианстве.

Когда наконец женщина почувствовала, что больше не в силах сопротивляться духовному зову церкви, она бежала из дома вместе с маленьким сыном. Вначале она добралась до Константинополя, а оттуда — до Рима. После множества лишений и опасностей, выпавших ей на пути, она наконец попала в священный город и там — о чудо! — воочию увидела тот самый храм из своего детского видения: это был собор Святого Петра. После долгих лет мучений еврейка обрела желанный покой⁵.

Когда речь шла о еврейских женщинах, в типичных церковных историях про их обращение обязательно рассказывалось, как уже в раннем возрасте им являлось сверхъестественное видение, благодаря которому они обнаруживали в себе тягу к истинной вере и затем жили в страхе родительского наказания, что ожидало их, если откроются их тайные помыслы. Именно таким был рассказ, помещенный в одном из выпусков *Civiltà Cattolica* за 1856 год по случаю крещения двух сестер-евреек, 20 и 22 лет. Крестил их епископ города Асколи в главном городском соборе. Когда епископ впервые услышал об их желании принять христианство, рассказывал журнал, он подробно расспросил их и удостоверился в их искренности. Он тщательно продумал, как перевезти девушек из дома в монастырь, так как понимал, что им грозит смертельная опасность, если родные обо всем узнают. После отважного побега в монастырь девушки написали письмо матери и рассказали ей обо всем, что произошло. В еврейской общине поднялось возмущение. Тем временем священник, который первым узнал о тайной мечте девушек перейти в христианство, получил письмо от их младшей кузины, которая признавалась, что сама “жаждет крестильной воды” и пребывает в отчаянии после побега сестер, потому что теперь ее будут стеречь особенно строго. Но на все воля Божья: этой молодой женщине тоже удалось вырваться из семейных тисков и воссоединиться с кузинами в монастыре.

“Три еврейки, — рассказывалось дальше в статье из *Civiltà Cattolica*, — давно отпращивали обряды нашей веры у себя до-

ма, например читали *Pater Noster*, *Ave Maria* и *Credo*. Еще они знали молитву про венец Марии и совершали новены, готовясь к празднествам в честь святой Марии”. Однажды отец одной из девушек увидел у нее на шее кармелитский наплечник, а в руках — книжечку о христианском вероучении и набросился на нее с “бранью и побоями”. Но вот настал тот долгожданный день, когда епископ подвел всех трех молодых женщин к святому причастию, и плакали тогда не только они сами: многие из собравшейся толпы правительственных чиновников, аристократов и других горожан тоже проливали слезы⁶.

Если в церковных рассказах об обращении еврейских женщин почти всегда упоминались сверхъестественные видения и моменты духовного пробуждения, то мужчин к истинной вере направляло не сердце, а ум. Типичным примером такой “мужской” истории является церковный отчет, напечатанный в 1856 году по случаю крещения в часовне при римском Доме катехуменов некоего Алессандро Кальи, сына раввина из города Удине на северо-востоке Италии. Путь молодого человека к обращению начался шестью годами ранее, когда благодаря учебе он начал сомневаться в истинности религии своих предков. Согласно публикации, чем больше он учился, тем яснее понимал, что в иудаизме есть множество противоречий и изъянов, начиная с отсутствия духовенства и кончая постоянными пререканиями, которым предаются раввины вместо того, чтобы свято чтить законы Моисея. Но главным доводом, убедившим юношу, стало “не объяснимое ничем иным, кроме как Господним проклятьем, презрение к его народу, наделенному и богатствами, и умом, и гражданскими достоинствами”. Он уехал из Удине в Падую, чтобы изучать математику в университете. Там он начал посещать мессы и высказываться в защиту истинности христианской религии. В конце концов он отправился в Дом катехуменов в Риме и ступил на стезю спасения⁷.

Если преобладающий жанр трафаретных католических историй повествовал о немногочисленных евреях, которым посчастливилось узреть свет и выстоять против самых страшных

угроз и оскорблений, чтобы принять истинную веру, то самим евреям все виделось совершенно иначе. В глазах жителей гетто те взрослые евреи, которые добровольно вступали в Дома катехуменов, являлись предателями, злосчастными неудачниками и коварными интриганам, какие, к сожалению, встречаются почти в любой общине. Ими движут отнюдь не духовные, а самые грубые материальные мотивы. Все эти рассказы о пышных драгоценностях и нарядной одежде, о внимании кардиналов и аристократов представляли совсем в другом свете: как свидетельство не духовного подъема, а самой постыдной духовной проституции. В таком варианте рассказа было сразу две сильных стороны: во-первых, напрашивался вывод, что в Дом катехуменов попадают лишь самые безнравственные и ненадежные евреи, а во-вторых, что ни один еврей не может искренне поверить в то, что христианство превосходит веру его предков⁸.

Конечно, и директора Домов катехуменов, и те епископы и кардиналы, которые за них отвечали, тоже прекрасно понимали, что по крайней мере некоторые из их подопечных-евреев руководствуются подобными корыстными соображениями. Время от времени клирики прилагали немалые усилия для того, чтобы установить, насколько искренни евреи, намеревающиеся принять христианство, так как искренность такого желания являлась необходимым условием для крещения взрослого человека⁹. Однако жажда церкви заполучать все новых обратившихся евреев была столь велика, чувство религиозного ликования из-за новых случаев крещения столь упоительно, а превосходство христианства над иудаизмом столь очевидно, что духовенство испытывало непреодолимый соблазн принимать с распростертыми объятиями каждого еврея, который желал переступить порог Дома катехуменов.

И все же у церкви имелись свои средства защиты на тот случай, если кто-то из евреев явно злоупотреблял ее милостью. В 1624 году в Болонье некий Моисей Исраэль, уроженец греческих Салоник, был крещен самим архиепископом и получил награду. Через год он вернулся в Османскую империю, где

зажил по-старому, справляя иудейские обряды. Но жизнь там, видимо, складывалась неудачно, и через 12 месяцев он отправился в Рим, где снова стал готовиться к крещению, на этот раз под другим именем. Вскоре после этого он вместе с другим новообращенным уехал обратно в земли, находившиеся под османским владычеством, где оба примкнули к еврейской общине. Некоторое время спустя, когда Моисей Исраэль объявился в Виченце, городе на северо-востоке Италии, и крестился в третий раз, наградой ему стало разрешение на попрошайничество. Вскоре, в 1636 году (ему было в ту пору всего 40 лет), его разоблачил другой обратившийся иудей, и на сей раз проходимца арестовали. В свое оправдание Моисей говорил, будто возвращался в еврейские общины только для того, чтобы на деле применять все знания, полученные в Доме катехуменов, и делал там все возможное, чтобы склонить евреев к христианской вере. Когда же его спрашивали, зачем он столько раз крестился, он отвечал, что не видел ничего дурного в том, чтобы сподобиться благодати крещения больше одного раза. Однако власти не поверили его словам, и трижды крещенного еврея осудили на семь лет каторжного труда на галерах¹⁰.

Итальянские евреи испытывали сильнейшее отвращение к своим братьям, добровольно поступавшим в Дома катехуменов, отчасти потому, что уже знали, какие обязанности возлагает церковь на этих выкрестов. Ибо кто лучше выкрестов, которые сами выросли в гетто и получили еврейское образование, объяснит евреям ошибочность их веры и обычаев и начнет сманивать их на истинный путь спасения?

В числе направленных против евреев мер, разработанных в период Контрреформации, было требование посещать проповеди, нацеленные на обращение в христианство. Не было для жителей гетто более ненавистного предписания. В конце XVI века в Риме каждую субботу, во второй половине дня, евреи Священного города группами, состав которых периодически менялся, обязаны были выходить из гетто и направляться в ближайшую церковь, снося насмешки прохожих.

Папская полиция учиняла перекличку, сверяясь со списками имен, и тех, кто не явился, ожидало наказание. Когда церковные власти узнали, что евреи, готовясь к субботней пытке, затыкают воском уши и себе, и детям, полиция получила приказ осматривать уши евреев перед тем, как те переступали порог церкви¹¹.

Сатанинская месса строилась как вывернутая наизнанку католическая месса. Точно так же и пресловутая *predica coatta* выворачивала наизнанку священные иудейские обряды. По субботам утром раввин в синагоге комментировал отрывок из Торы, выбранный для чтения в этот день. А после обеда, в три часа дня, евреи строем отправлялись в ближайшую церковь, чтобы услышать, как католический священник берет тот же самый отрывок за основу собственной проповеди, переворачивая вверх тормашками толкование раввина.

И вот тут-то пригождался выкрест — особенно поднатревший в иудаизме, а значит, способный без труда цитировать отрывки из священных книг на иврите. Жители гетто с отворачиванием бормотали себе под нос проклятья, когда их бывший брат, оживленно жестикулируя, рассуждал о ложности их религиозных верований и уговаривал их узреть истинный свет. Далеко не благосклонные слушатели прекрасно понимали, что жалование их бывшему единоверцу, как и “охраняющему” их полицейскому патрулю, сдерут с них же самих, обитателей гетто, да и Дом катехуменов тоже содержится на их кровные денежки¹².

Случаи, когда детей насильственно помещали в Дома катехуменов, как это произошло с Эдгардо, производили очень сильное воздействие на итальянских евреев, но все-таки большинство поступали туда добровольно. Дети, попадавшие туда, как правило, просто следовали за родителями. Еврейские женщины оказывались устойчивее к соблазнам обращения, чем мужчины, и в тех случаях, когда мужья поступали в Дом катехуменов без жен, часто возникали споры из-за участи их детей. Впрочем, такие споры всегда решались в пользу мужчин.

Как и другие понтифики, Бенедикт XIV — папа римский, правивший в середине XVIII века, и бывший архиепископ Болонский, — уделял большое внимание деятельности римского Дома катехуменов. Обращение иудеев в христианство являлось великим благом, однако сам этот процесс требовал пристального наблюдения. В частности, широко распространившееся поверье, гласившее, что всякий, кто крестит еврея, обеспечит себе духовную награду на будущее, часто приводило к злоупотреблениям, и папа знал об этом. Один из таких случаев привлек к себе его внимание в 1746 году.

Один католик по имени Антонио Вивиани зашел в римское гетто и пробрался в дом Перлы Мизани. В это время ее дети — три дочери, старшей из которых было девять лет, и двенадцатилетний сын — сидели дома одни. Вивиани достал склянку с водой, которую принес с собой, и разбрызгал ее над головой старшей девочки, произнося формулу крещения. То же самое он проделал с другими девочками, но до мальчика не успел добраться: кончилась вода. Потом всех трех девочек забрали в Дом катехуменов, и у матери остался только один ребенок — сын.

Действия Вивиани были, бесспорно, незаконными, потому что церковная политика ясно гласила: еврейских детей, находящихся на попечении родителей, нельзя крестить без родительского разрешения, если только над ребенком не нависает явная угроза смерти. Епископ, доложивший папе об этом деле, сообщил ему о мерах, какие приняты для наказания Вивиани. Однако церковь, хотя сама называла такое насильственное крещение противозаконным, тем не менее признавала его действительным. Те три девочки отныне считались христианками и не могли вернуться к матери в гетто¹³.

Евреям, которые поступали в Дом катехуменов по собственному желанию, но потом передумывали, позволялось уйти, так и не приняв крещения. Однако сама атмосфера, царившая в этих заведениях, не поощряла подобного отступничества. Успех операции во многом зависел от разрыва отношений неофита с его родней и другими евреями, а потому

церковь постоянно издавала указы, воспрещавшие евреям приближаться к Дому катехуменов. Эдикт 1705 года грозил тремя ударами плети и штрафом каждому еврею, который посмеет подойти на сто шагов к такому учреждению или, пускай даже с большего расстояния, попытается привлечь внимание кого-нибудь из его обитателей, выглянувшего в окно. Подобные запретительные меры все еще оставались в силе и в середине XIX века. Незадолго до того, как Эдгардо попал в римский Дом катехуменов, одного еврея арестовали за то, что он стоял неподалеку от здания и пристально смотрел на неопфита, стоявшего у окна¹⁴.

Когда бригадир Агостини доставил Эдгардо к дверям Дома катехуменов, мальчик попал в совершенно новый, незнакомый мир, покрытый тайной для прочих евреев, оставшихся снаружи. В отличие от других евреев, допущенных в это заведение, Эдгардо прибыл сюда не для крещения: ведь его уже крестили в младенчестве. Но, как и остальным, ему предстояло перешагнуть пропасть, разделявшую два мира. Войдя сюда евреем, он должен был уйти католиком. На директора была возложена задача: наставить шестилетнего ребенка в основных постулатах его новой религии и тем самым сделать из него нового человека. Когда пребывание Эдгардо в Доме катехуменов привлекло столь нежеланное общественное внимание, а само право церкви удерживать его там стало подвергаться яростным атакам, работа директора сделалась еще более важной и неотложной.

Выдающийся документ середины XVIII века проливает свет на особенности внутреннего устройства Дома катехуменов, в том числе и на ряд методов, которые применялись там для обращения евреев. Это свидетельство Анны дель Монте, молодой еврейки из римского гетто, записанное сразу же после ее освобождения из Дома катехуменов. Анна рассказывает о тех двенадцати днях, которые она там провела.

Мучения Анны начались однажды в воскресенье, сразу после окончания Песаха, когда к ней в дом ворвался отряд полицейских. Ее силой усадили в фургон и повезли напрямик в Дом

катехуменов. Там ее встретила настоятельница. Она отвела девушку в маленькую комнатушку, заперла дверь снаружи и ушла.

Анну выдал полиции недавно крестившийся еврей Саббатто Коэн, который хотел на ней жениться. Саббатто заявил начальству Дома катехуменов, будто Анна пообещала выйти за него замуж (и сама Анна, и ее родня горячо оспаривали его утверждение) и будто она сообщила ему о своем тайном желании последовать его примеру и обратиться в христианство. Этого оказалось достаточно, чтобы клирики отдали приказ схватить девушку. В подобных обстоятельствах законы инквизиции предписывали директору Дома катехуменов за двенадцать дней выяснить, насколько искренне желает креститься потенциальный неофит. В конце этого испытательного срока, если еврей упорствовал в желании остаться иудеем, ему позволялось уйти, хотя, конечно, такой день церковь считала несчастливым.

В течение всех двенадцати дней заточения Анну не выпускали из комнаты. К ней постоянно приходили священники, недавно обратившиеся евреи и монахини, которые молились о ее душе и умоляли ее распахнуть сердце навстречу истинному свету. Всего к ней являлось с уговорами 38 человек, и в общей сложности ей пришлось выслушивать разного рода проповеди на протяжении 80 часов.

Отец-проповедник — человек, на которого возложили обязанность склонять ее к крещению, — сам был евреем-выкрестом, и, по словам Анны, часы, когда он находился рядом с ней, были для нее сущей пыткой. Это был растрепанный, бедно одетый человек с нездоровым блеском в глазах, будто витавший в каких-то высших мирах. “Он был так уродлив собой и навел такой страх, — писала Анна, — что мне он казался каким-то бесом, выскочившим из Ада”. Когда же ни его пламенные молитвы, ни его угрозы на всю жизнь запереть девушку в этой камерке не возымели действия, он принялся бичевать себя, одновременно хуля сидящего в ней беса. История Анны Дель Монте — это классический рассказ о пребывании в аду, о безумных священниках и беззащитных жертвах-евреях. В ее описании по-

следней ночи, проведенной в Доме катехуменов, присутствуют все элементы героической драмы: и испытание веры, и торжество добродетели. Она пережила двенадцать дней сильнейшего давления, когда ее изо всех сил подталкивали к крещению, а она гордо держалась за религию праотцов. Но под конец, казалось, все пропало:

В девять часов вечера ко мне снова пришел отец-проповедник вместе с настоятельницей, и, увидев его, я задрожала с головы до пят. Он опять пустился в разглагольствования: “Дочь моя, ты сама видишь, сколько раз я приходил к тебе, помышляя о благе для тела твоего и о здравии души твоей. Мне пришлось рассказать кардиналу о твоём упрямстве, и он попросил меня вновь навестить тебя, ибо сегодня уже двенадцатый день, день, на который назначено твоё крещение. Если моих собственных стараний мало, чтобы убедить тебя назваться доброй католичкой, то кардинал явится к тебе собственной персоной и принесет приказ, подписанный самим папой римским, оросить тебя крестильной водой”.

При этих словах я чуть не лишилась чувств, но, благодаря помощи Всевышнего, нашла в себе силы ответить, что они могут делать все, что им угодно, но я желаю умереть в той вере, в какой родилась. При этих словах он разъярился, как лев, и велел настоятельнице принести то, о чем они говорили. Она отлучилась, а вскоре вернулась с большим распятым. Тогда проповедник, завывая будто пес, положил распятие на мою кровать. А потом, с криками и воплями, он снова зачерпнул воды и принялся разбрызгивать ее по постели, по моему лицу и спине и забормотал: “Пора тебе обратиться в нашу истинную веру. Сегодня же ночью тебе явится во сне этот крест, а потому я оставлю его в твоей постели”. Затем настоятельница сказала мне: “Если тебя призывают принять этой ночью нашу католическую веру, чему суждено быть, то помни, что я буду спать здесь, прямо под тобой. Тебе достаточно лишь стукнуть башмаком или ночной туфлей, какой бы поздний час ни был,

и тогда я поднимусь и обниму тебя, как родную дочь, — такой любовью к тебе я прониклась с первого же дня твоего у нас. Итак, дочь моя, смотри же, не подведи меня. Я оставляю тебе это распятие и надеюсь, что ты соединишься с ним и сделаешься такой же католичкою, как я”.

При этих словах сердце у меня едва не разорвалось, я разрыдалась и закричала ей: “Никогда! Никогда не будет этого! Можете оставлять здесь свою деревяшку, можете на меня ее класть, все равно вы меня ни в чем не убедите! Если бы вы вправду любили меня как дочь, вы не стали бы так поступать со мной!” Видя меня в таком состоянии, она из милосердия убрала от меня крест, а потом проповедник снова принялся брызгать своей всегдашней водой. Он разбрызгивал ее по всей каморке, по кровати, брызгал мне на лицо и призывал своих нескончаемых святых. Он сказал: “Ты увидишь, что сей же ночью явятся сюда все святые, которых я призвал, и они заставят тебя позвать настоятельницу, и она станет свидетельницей твоего мгновенного обращения”. Он проповедовал вот так еще часа три или дольше, а потом наконец ушел, будучи в дурном расположении духа. А я осталась скорее мертва, чем жива, и мне было так страшно, что, казалось, земля подо мной вот-вот разверзнется и поглотит меня.

На следующий день Анне Дель Монте разрешили покинуть Дом катехуменов. В гетто по этому случаю устроили настоящий праздник¹⁵.